

Научная статья

УДК 811.512.157 '37:398.2

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-106-117

Концепт «луна» в якутской языковой картине мира

Ангелина Афанасьевна Кузьмина

Национальная библиотека Республики Саха (Якутия)
Якутск, Россия

aa.kuzmina@nlrs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4256-0893>

Аннотация

Статья посвящена раскрытию концепта луна в традиционной картине мира на уровне языка, мифа и ритуала. Как известно, якуты являются самыми северными тюрками, которые в значительной мере сохранили ментальные репрезентации этнокультурного наследия тюрков Южной Сибири. Установлены национальные особенности видения мира в семантике номинаций концепта *луна* в пространственно-временной и культурной парадигме, символизирующие мифопоэтическую картину мира. Анализируются архаичные признаки указанного концепта, рассматриваются устойчивые словосочетания, устное народное творчество. Актуальность настоящего исследования заключается в концептуализации вербальной культуры народа саха. *Целью статьи является* выявление лингвокультурологических признаков концепта *луна* в якутской языковой картине мира. В статье применен когнитивный подход, контекстологический метод, синтагматический анализ связи слов и метод концептуального анализа.

Космологическое представление Вселенной у якутов передается через архаическую метафору кожаного сосуда с числовой и пространственной символикой. Луна проецируется в паре с солнцем как след ранней формы поклонения божествам. Имеет амбивалентную функцию, влияющую на судьбу, порождающую рождение/смерть. В связи с таким пониманием возникли различные вербальные и невербальные ритуальные действия. Пространственно-временная парадигма в устной традиции породила различные названия исчисления времени. При анализе номинативного поля концепта *луна* выявлены его универсальные и национальные компоненты. Среди метафорических выражений, формирующих концепт *луна* в языке саха, можно выделить загадки, подчеркивающие округлость ее формы, которые символизируют цикличность жизни – идею вечного рождения. Концепт *луна* имеет такие основные признаки как большое/бледное/белое/движущееся, соматический код которого проявляется в использовании символики глаза. При сравнении сказок выявляются схожие и отличительные мотивы, связанные с образом девушки на луне на материале фольклора.

Ключевые слова

мировоззрение, мифология, фольклор, языковая картина мира народа саха, концепты, лингвокультурология

Для цитирования

Кузьмина А. А. Концепт «луна» в якутской языковой картине мира // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 106–117. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-106-117

© Кузьмина А. А., 2023

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2023, vol. 21, no. 3

Concept of the Moon in the Yakut Language World View

Angelina A. Kuzmina

National Library of the Republic Sakha (Yakutia)
Yakutsk, Russian Federation

aa.kuzmina@nlrs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4256-0893>

Abstract

The article defines the concept of the moon in the traditional Yakut world view at the levels of language, myth and ritual. It is common knowledge that the Yakuts are the northernmost Turks who have largely preserved the mental representations of the Southern Siberia Turks' ethnocultural heritage. National world view features in the nominations of the concept *moon* related to space and time cultural paradigm, representing the mythopoetic picture of the world, have been established. The archaic features of this concept, set phrases, and oral folk art have been considered. The relevance of this research lies in the conceptualization of the verbal culture of the Sakha people. The purpose of the article is to identify linguistic and cultural features of the concept *moon* in the Yakut language world view. The article uses a cognitive approach, contextual and syntagmatic analysis of word connection as well as the method of conceptual analysis. The cosmological representation of the Universe among the Yakuts is given through the archaic metaphor of a leather vessel with numerical and spatial symbols. The moon is projected in conjunction with the sun as a trace of an early form of deity worship. It has an ambivalent function that affects the fate that generates birth/death. In connection with this understanding, various verbal and non-verbal ritual actions have arisen. The space and time paradigm in the oral tradition has given rise to various names for the calculus of time. In analyzing the nominative field of the concept moon, its universal and national components have been revealed. Among the lexical units that form the concept *moon* in the Sakha language, one can distinguish riddles that emphasize the roundness of its shape, symbolizing the cyclicity of life – the idea of eternal birth. It has such basic signs as large/pale/white/moving, the somatic code of which is manifested in the symbolic use of the eye. When comparing fairy tales, similar and distinctive motifs associated with the image of the girl on the moon have been revealed.

Keywords

worldview, mythology, folklore, language worldview of the Sakha people, concepts, linguoculturology

For citation

Kuzmina A. A. Concept of the Moon in the Yakut Language World View. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 3, pp. 106–117. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-3-106-117

Введение

При изучении языка с точки зрения специфики интерпретации сущности мира важно рассмотреть знаковые и лексико-семантические признаки концептов в их совокупности в различных фольклорных и языковых текстах.

Исследование языковой картины мира позволяет выявить трансформации традиционного мировоззрения, фольклора и культуры в целом. Выявление актуализации культурных концептов в различные формы фольклорных и языковых текстов в линвокультурологическом аспекте – новое направление исследования. Язык является своеобразным отражением картины мира, где запечатлен антропоцентрический опыт народа, его представления, элементы культуры. Человек фиксирует в слове результаты познания. Поэтому языковая картина мира носит яркую национальную специфику.

Так, В. А. Маслова отмечает основные направления развития линвокультурологического анализа, описывает специфику взаимодействия языка и культуры следующим образом: «В сфере особого внимания линвокультурологов <...> единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорках и т. д.» [Маслова, 2014. С. 79].

В научной литературе предложены различные типологии языковых картин мира и концептов. Е. С. Яковлева языковую картину мира определяет как «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности... языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева, 1996. С. 47].

Н. П. Сидоровой в лингвокультурологическом аспекте проанализированы составляющие концепта *луна*, которые представлены в виде религиозных и символических признаков в русской языковой картине мира [Сидорова, 2008]. В якутском языке Л. Л. Габышевой рассмотрен информационно-семиотический аспект взаимодействия языка и культуры в условиях бесписьменного общества в контексте языковой и мифопоэтической картины мира [Габышева, 2009].

Исследование концептуальной системы языка и культуры сближает ряд таких гуманитарных наук, как лингвистика, этнография, фольклористика, которые способствуют более глубокому пониманию языковой картины мира любого народа.

Архаичные признаки концепта “луна”

В тюркских языках луна *ый* ~ *ај* имеет основные значения: др.-тюрк. *ај* (орх., др.-уйг.) ‘луна, месяц’ [EDAL, 2003. Р. 303]. Выявлены следующие особенности концепта *луна* в якутском языке, который выявляется путем когнитивного описания национально-культурных моделей экспликации анализируемого концепта:

1. Синтагматические связи слов представляют когнитивные признаки в концептуальном исследовании. При этом анализируются синонимы, антонимы, ассоциаты, отношения с глаголами, прилагательными, существительными, а также дериватологические свойства. Но перед этим приведем основные значения универсума *ый*: 1. Святящееся ночью (отраженным солнечным светом) небесное тело, луна. 2. Мера времени: одна двенадцатая часть года, месяц. 3. Круглое, плоское металлическое изображение луны, пришитое над левой грудью на одежде шамана (это личная Луна шамана, используемая для освещения дороги при возвращении из Нижнего мира). 4. Полный период беременности у женщины (девять календарных месяцев) [БТСЯЯ, 2017. С. 357].

В мифологической картине мира с символом луны обязательно упоминается ее пара – солнце. Так космологическое представление Вселенной у якутов передается через архаичскую метафору кожаного сосуда с числовой и пространственной символикой: *сири иһит*¹ *сиксиктээх, абыс курдуулаах, ньаалбаан хаптахтаах, алтан айахтаах, бар чуоһур үрүттээх үһү* ‘говорят, кожаный сосуд с боков прошит, восемью обручами схвачен, жестяной крышкой покрыт, медное горлышко имеет, а сверху весь крапинками усеян’. Здесь жестяная крышка – луна, медное горлышко – солнце, крапинки – звезды. Схваченный восемью обручами сосуд проецирует восьмистороннюю горизонтальную модель мира. Образ небосвода (солнце и луна, земля и сумерки) манифестируется символом мирового яйца: *көмүс уйа көнкөйдөөх, алтан уйа айахтаах, сири уйа сиксиктээх, хара уйа хаптахтаах үһү* ‘говорят золото гнездо с дуплом, медное гнездо с горлышком, кожаное гнездо с прошивкой, черное гнездо с крышкой’.

Контекстуальным оппозитом в некоторых случаях к слову *ый* ‘луна’ является лексема *күн* ‘солнце’, которая выражается во фразеологической единице: *ый-күн курдук алтыһахпыт* ‘сойдёмся с тобой, как солнце с луной (т. е. новая встреча будет для нас более опасной – говорится врагу)’ [БТСЯЯ, 2017. С. 373], так говорили, потому что, по наблюдениям людей, луна и солнце почти никогда не сходились на небосводе. Адресатом такого выражения был заклятый враг, при угрозе, что следующая встреча будет еще опасней, семантическую связь с этой единицей имеет ФЕ *атырдьах маһы анаардаһан араһсыахпыт (салаалаах оту)* ‘мы расстанемся

¹ *Сири иһит* – огромная посуда, сшитая из широких полос кожи – сири, особым способом обработанная непромокаемая кожа из шкуры рогатого скота; в высушенном виде очень тверда. Сири иһит, сири чабычах – большая посуда (мешок), для кумыса, воды и молочных продуктов емкостью до 30 ведер [Якутские сказки, 1975. С. 50].

с тобой, разорвав на две части вилообразную ветку (или двуствольную траву)’, при разрыве дружеских отношений. Происхождение этой единицы обусловлено ритуальными действиями [Саха өһүн хоһоонноро, 2017. С. 122; Романова, 1999. С. 57–80].

Существует также выражение *кун-ый быатын тут* ‘I молить, умолять кого-л. о помощи в страхе перед неминуемым, в отчаянии’, букв. ухватиться за закрепы солнца и луны. В этой фразеологической единице присутствует символ веревки *быа* ‘свитая из лошадиной гривы веревка или кожаный ремень, шнур, тесемка’, которая воспринимается как символ связи/пути с божествами. Имеет амбивалентную семантику как символ жизни и смерти. Известно, что если на дороге находили веревку из кожи, то не брали: считалось, что она могла причинить вред. А вот брошенную на дороге веревку, сплетенную из гривы конского волоса, забирали с собой, так как с ней приходило счастье [Романова, 1999. С. 148]. Итак, символ луны, солнца и веревки как меры протяженности обозначает жизненный путь, связанный с со светлой и темной стороной жизни и имеющий прямое продолжение во фразеологической единице *өлөр быатыгар* ‘к несчастью (букв. к смерти)’, либо *дьол быатыгар* ‘к счастью (на счастье)’, *сор дуу, дьол дуу быатыгар* ‘к несчастью или к счастью’.

Следует подчеркнуть, что различные нити, волосяные веревки использовались в магических действиях (*быа тэнииттэ*) и обрядах жизненного цикла и были соотнесены с символической судьбы. Пестрые волосяные нити с привязанными к ней разноцветными лоскутками (салама) выполняли сакральную функцию в календарной обрядности как дороги к божествам.

Луна в паре с солнцем как жизненный путь очень хорошо представлена в шаманском фольклоре: если умирал шаман, рвалась нить солнца и луны.

Анализ именной синтагматики выявляет признак луны излучать свет, отражать тень: *ый сырдыга* ‘свет луны’, *ый сарданата* ‘лучи луны’, *ый толбоно* ‘отблеск луны’, *ый кулүгэ* ‘тень луны’. Также существуют сложные имена существительные, состоящие из самостоятельных слов, образованные при помощи категории принадлежности: *ый аргыһа* ‘спутник луны’ и т. д. [Сахалы тыл ситимин тылдьыта, 2009. С. 8]. Также следы архаичного лунного календаря сохранены в следующих словосочетаниях: «Дни от 11 до 20-го обозначались по степени полноты лунной фазы, для которых имелись свои образные определения ... 18-й день – *бойом борото* (щедрость), 19-й – *куобах куртаба* (заячий желудок), 20-й день Луны – *кыптый буута* (режущая кромка)» [Гоголев, 2002. С. 44–45].

Анализ глагольной синтагматики показывает, что луна выступает в качестве субъекта действия: *ый кыһар* (краснеет), *туналыйар* (сияет), *устар* (плывет), *былыкка саһар* (спряталась в облака), *ойоболоон сүүрэр* (скачет сбоку). Слово-репрезентант *ый* в якутской поэтической традиции используется с прилагательным белый и отождествляется с понятиями *большое/бледное/белое/движущееся*, что отображает проявление признаков ее соматического кода, а также переход из фольклора в современные художественные произведения: *ый мичээрдиир, кулэр, монолуппакка одуулаһар* ‘луна улыбается, смеется, пристально смотрит’/*дьэллик манган ыйынан* ‘бледной луной ослепительной’:

Сэттэ тиһиктээх
Дьэллик манган ыйынан
Ситэрэн тэһииннэнэн...

Семью поводьями
Бледной луной бродячей
Крепко связали

[Ядрихинский-Бэдьээлэ, 2011. С. 14].

В рассказах якутских писателей можно найти такие выражения, как *ый, төгүрүннүү-төгүрүннүү күл да күл* ‘луна, округляясь, безутешно смеялась’, *ый лынкыначчы күллэ* ‘луна звонко рассмеялась’ (Николай Габышев “Ый күлэр”).

Соматический код луны проявляется в использовании символики глаза. Так, в якутской лингвокультуре луна отождествляется с бычьим глазом: *тыаба обус хараба күлтэйэн турар* ‘в лесу бычий глаз смотрит, уставился’. Эти словосочетания показывают, что луна персонифицируется как живое явление. Это говорит о существовавшей традиции поклонения, обожествления как следствия образного мышления древнего человека, который описывает мир через уподобление себя, в основе такой мыслительной деятельности лежит возникновение мифологического мышления.

Дериватологические свойства. От вторичного значения слова *ый* ‘месяц’ образовались прилагательные, имена существительные и глаголы. Прилагательное *ыйдаабы* ‘получаемый за месяц, производимый в течение одного месяца, месячный’ имеет следующую модель образования: *ый-* + *-таабы*, где аффикс *-таабы* является аффиксом образования имен прилагательных, обозначающих признак по времени. Считается, что этот аффикс соответствует «тюркским аффиксам: (узб.), (хак.), (шор.) и т. д., где элемент *-да* окончание местного падежа» [Грамматика, 1982. С. 163]. Э. В. Севортыян полагает, образование *ыйдана* ‘лунный, освещенный луной, озаренный лунным светом’ от глагола *айды-*, где *-н* является суффиксом, обозначающим носителя процесса, объекта [ЭСТЯ, 1974. С. 108]. Прилагательное *ыйдаах* ‘освещенный месяцем, луной, лунный (о небе, ночи)’ образовалось при помощи аффикса обладания *-лаах*. Модель образования неразложимой основы прилагательного *ыйдам* ‘как лунный свет, как лунное свечение’ следующая: *ый-* + глаголообразующий аффикс *-лаа* + непродуктивный имяобразующий аффикс *-м*. Образование глаголов произошло с помощью аффикса возвратного залога к основе *ыйдан* ‘быть освещенным луной (о небе, ночи)’ и аффикса повелительного наклонения в слове *ыйданар* ‘просвечивать, виднеться сквозь что-л.’. Эвфемизм *ыйдананы* ‘менструация’ образовалось присоединением продуктивного аффикса *-ыы*, которое обозначает имя действия. Строго говоря, это слово образовано от *ый* во временном значении ‘месяц’ и с луной связано опосредованно. Есть еще переносное значение *ыйданарт* ‘догадываться о чем-л., представлять что-л. приблизительно’, образованное при помощи побудительного залога (каузатив). Связано со значением *ыйдана* ‘лунный, освещенный луной, озаренный лунным светом’. Анализ дериватологических свойств дает возможность выявить признаки концепта, составить представление о его содержании в сознании народа саха, при котором моделирование осуществляется в совокупности всех языковых средств выражения.

Важными признаками концепта *луна* является наличие признака времени, световых качеств.

2. В составе номинативного поля концепта выделяем его универсальные и национальные компоненты. Универсальными являются следующие понятийные признаки: ‘светящееся ночью отраженным солнечным светом небесное тело, луна’, ‘мера времени: одна двенадцатая часть года, месяц’. Этническая специфика этого слова представляется следующим образом: ‘круглое, плоское металлическое изображение луны, пришитое над левой грудью на одежде шамана’. Изображения солнца и луны являются важными составляющими шаманского костюма, символизирующими модель Вселенной. Свет луны помогал шаману найти путь в Срединный мир, а лучи солнца отпугивали обитателей Нижнего мира. В картине мира тюркских народов Сибири луна, как и солнце, связана со Срединным миром, миром живых. Срединный мир у народа саха обозначается как мир *аламай манган күннээх* ‘ясного белого солнца’ и *ойболоон сүүрэр тэргэн ыйдаах* ‘бегущего сбоку большою луной’.

3. Слово-репрезентант концепта *ый* ‘луна’ полисеманлично и входит в устойчивые словосочетания, в которых отображаются символические признаки мифопоэтической картины мира народа саха:

Рождение/смерть. Луна представляет раннее мировоззрение древнего саха, являвшейся божеством, поклонение которой, вероятно, отражается в выражении: *ый-кун ыһыаба* ‘празд-

ник в честь солнца и луны» [История, 2020. С. 150]; *ый-кун буол* ‘спасать, защищать кого-л., заслонить от какой-л. опасности; отвести беду, вызволить из беды’ [Нелунов, 2002. С. 377]. Последний фразеологизм связан с божественностью светил для жизни человека (стать для кого-л. солнцем и луной). Есть вариант, где на первом месте солнце: *кун-ый буол- букв. ‘стань солнцем и луной’*. Исследователями отмечено об этом следующее: «В якутских сказках встречается такой персонаж, как Ый Тойон ‘Господин Месяц’, который живет на небе со своей дочерью (ср. божество Кюн Тойон ‘Господин Солнце’). А вилюйские якуты, например, вообще считали, «что луна – это круглое отверстие в небе, через которое проходит свет. Фазы луны объясняли действием духа, прикрывающего отверстие (луну) в определенные промежутки времени». Более того, равноправное положение двух светил нашло отражение в эпических сказаниях якутов» [История, 2020. Там же]. Ранее А. Е. Кулаковским выдвинуто предположение о существовавшем ритуальном празднестве в честь обоих светил: «На весенних празднествах, устраиваемых в честь небесных божеств, якуты брызгали молочными продуктами вокруг места игралитц. Меньшинство популярных стариков думает, что брызгалось в честь небесных светил, а большинство склонно видеть в этом почитание духа земли *аан дайды иччитэ* (‘дух земли’) и ее детей *от-мас иччитэ* (‘дух растительности’). Как бы то ни было, но следов почитания якутами небесных светил, кроме этой пословицы, нигде не сохранилось» [Кулаковский, 1979. С. 200]. Однако в современном мире получила отрицательную окраску ФЕ *ый-кун ыһыаба онор* ‘раздавать все съестные припасы без расчёта и экономии; промотать все имущество и деньги’. Букв. ‘делать так, как это делается на празднике в честь Солнца и Луны’.

Антропоцентрическая сущность мышления древнего человека выражается в описании мира через собственное тело: «*Түөһүгэр куннээх, сүүһүгэр чолбонноох, кэтэбэр кэбэлээх, төбөтүн оройугар үргэллээх, көхсүгэр ыйдаах, дылбэгэ дьирэң кыыллаах Түөнэ Дохсун Бухатыыр*. – С солнцем на груди, с Чолбоном на лбу, с кукушкой на затылке, с Плеядами на темени, с месяцем на спине, с бекасом на коленях Тюеня Дохсун богатырь» [Худяков, 1969. С. 280]. «*Арбаһыгар алта ыйдаах, түөһүгэр үс куннээх Аналдьыма-Мэнэлдьимэ Куо*. – Имеющая на спине шесть месяцев, на груди три солнца Аналдьыма-Мэнэлдьимэ Куо» [Емельянов, 2000. С. 63]. Л. Л. Габышевой отмечено следующее: «Согласно визуальным наблюдениям, если солнце всходит на востоке и заходит на западе, то «новорожденный» месяц появляется на западном горизонте слева от заходящего солнца и, пройдя все лунные фазы, исчезает (в мифологических терминах «умирает») на восточном небосклоне справа от восходящего дневного светила. Таким образом, в портретах богатыря, девы, изображении коня, основанных на оппозициях луна/солнце, левый/правый, спина/грудь, задний/передний, запад/восток, присутствует образ «молодого» месяца, символа рождения, роста и витальной силы. «Стареющий» месяц, как и соответствующая лунная фаза, связаны в культурах народов мира с представлением о смерти и множественном запретах» [Габышева, 2022. С. 100].

Луна является определенным мерилем временной парадигмы, которая отражается в названиях месяцев: от *ыйа* ‘месяц сенозаготовки’, *атырдьах ыйа* букв. ‘месяц вил, стогования сена’, *балабан ыйа* букв. ‘месяц юрты’, ‘время перекочевки в зимовье’ и т. д. Кроме общенациональных, зафиксировано 70 диалектных наименований. О названиях якутских месяцев согласно хозяйственному календарю существует ряд научных работ. Эти названия возникли с необходимостью «ведения скотоводческого хозяйства и связанных с ним сеноуборочных и других работ, занятия охотничьим промыслом и рыболовством заставляли якутов постоянно следить за атмосферными и другими природными явлениями» [Иванов, 2016. С. 72].

Временная парадигма концепта *луна* проявляется также во вторичном временном значении «месяц» в выражениях *ый сангата* ‘начало месяца’, *ый баһыгар-атабар*, *ыйга бишрдэ эмэтэ* ‘очень редко, один-два раза в месяц (букв. у головы-ног месяца)’, *ый туолуута* (полнолуние), *ый эргэтэ* ‘последние дни месяца’, *ый өлүүтэ* ‘лунное затмение’, которые связаны с визуальными наблюдениями свойств Луны как небесного тела периодически менять вид в зависимости

от фаз и освещения Солнцем. О возникновении использования луны в качестве первой меры времени отмечено следующее: «Возникновение и исчезновение Луны на небосклоне, ее меняющиеся фазы: все это считалось убедительным символом «умирания и рождения» этого небесного светила. Древнегреческая богиня лунного света, преисподней и всего мистического и таинственного Геката (др.-греч. Ἑκάτη) имела эпитет Триодитис (Трехликая), связанный с тремя основными фазами Луны (молодая Луна – новолуние, полнолуние, темная Луна – на ущербе) и тремя жизненными фазами женщины (девичество, материнство, старость). Именно поэтому луну использовали в качестве первой меры времени» [Балашова, 2015. С. 108].

Пространственно-временная парадигма концепта *луна* маркирует полный период беременности: *ыйыгар (ыйыгар-күнүгэр) тиийбит* ‘находится на последнем месяце беременности (букв. достигла месяца)’. Древние женщины по фазам луны считывали сроки родов: «Беременность длится, как известно, около 280 дней, или 10 лунных месяцев. Ровно на середину этого срока приходится первое движение ребенка во чреве матери. Женщине предстояло отсчитать от этого волнующего момента еще 5 раз наступление замеченной фазы луны до начала родов. Отсюда могли дойти любопытные явления и в фольклоре нганасан, где рассказывается, что месяц на небе был только для того и создан, чтобы люди могли рождаться, а женщины высчитывать по нему сроки родов» [Кузьмин, 2015. С. 650]. Выражения о менструации у женщин, которые употребляются в качестве эвфемизма, свидетельствуют о связи с верованием *ыйын көрбүт (тананыгар көрбүт)* ‘месячные женщины’ (либо *ыйданы* ‘менструация’) букв. *увидела месяц*.

Любопытные сведения о луне зафиксированы И. А. Худяковым в труде «Краткое описание Верхоянского округа»: «Беременная женщина кланяется луне, когда исполняется последний месяц беременности, говоря: «Дух луны, помилуй меня! (*Ый иччитэ, абыраа миигин!*)» или «Дух луны, в месяц твоего рождения и меня разреши ты счастливо от бремени! (“*Эн төрөөбүт ыйгар миигин эмиз үчүгэйдик төрөт, ый иччитэ!*”)». В старину молились также при первом новолунии (вечером). При полнолунии некоторые мужчины выходили и кланялись месяцу, не крестясь. Перегребающие покойника не показываются людям до рождения нового месяца» [Худяков, 1969. С. 182, 278–279]. Как мы видим, Луна манифестируется как светило, влияющее на судьбу. В период новолуния отражает благоприятные знаки, защищает от нечисти, как ночной глаз божества, а в период убывания эта сила сокращается и наступает время, когда абаасы из нижнего мира могут обретать могущество в Среднем мире. «Свадьбу, по якутским обычаям, следовало играть с наступлением нового месяца. Отметим еще обычай, по которому нельзя было выполнять ряд работ в доме умершего до рождения нового месяца: кузнец не ковал, нельзя было ловить рыбу в соседнем озере». Подтверждение этому мы находим в исследовании Е. Н. Романовой: «По якутским воззрениям, луна – как женское божество, выступая как покровительница времени, была тесно связана с судьбой: параллелизм между человеческой долей и лунной прочитывается в обрядах неблагополучия («ущербное»/«целое»)» [Романова, 1999. С. 210].

Образная составляющая описаний луны придается понятием, противоположным яркости *ый быыһа харана* ‘непроглядная темень, тьма крошечная, темная ночь без луны’; признаком присутствия венца *ый дьылэммит* ‘светлый круг вокруг луны (возникает к изменению погоды, обычно к осадкам – букв. у месяца дом появился)’. Выявленные в текстах загадок, фразеологизмов, сказок ассоциаты: *кольцо, чабычах, бычий глаз, лунная девушка*. Среди лексических единиц, формирующих концепт луна в языке саха, можно выделить загадки, подчеркивающие круглость ее формы, которые символизируют цикличность жизни – идею вечного рождения: *харыйа үрдүгэр көмүс биһилэх ыйаанан турар* ‘серебряное кольцо на ели висит’, *халдьаайыга хампарыйбыт чабычах баар үһү* ‘говорят, на горе-горушке лежит помятый чабычах’². В тради-

² Чабычах – невысокий берестяной сосуд округлой формы для хранения продуктов питания (напр., муки, масла, молока) (БТСЯЯ. Т. 14. С. 82–83).

ционном мировоззрении саха круг «символизировал собой Круговорот жизни – идею вечного рождения» [Романова, 1999]. С мотивом иного мира связано наличие мифопоэтического образа, представляемого с похищением или добровольным уходом из Срединного мира сироты, которую это светило пожалело и забрало к себе, присутствием которой на Луне объясняются видимые на ее диске пятна. Такое представление отражено в сказках коренных народов Севера (эвенах, негидальцах, коряках, нанайцах, юкагирах, русскоязычных марковцах, в состав которых вошел юкагирский (чуванский) субстрат). О широком ареале распространения указанного образа на луне в Евразии от Балтики до Охотского моря исследователем Ю. Е. Березкиным отмечено следующее: «Для многих сибирских текстов (хакасы, тофалары, буряты, кеты, селькупы, ханты, якуты, юго-восточные эвенки) характерна следующая подробность: поднятая на Луну девушка-водоноша пытается удержаться за куст и видна теперь на Луне вместе с кустом и ведрами. Та же деталь есть у ваханцев и коряков. У последних про ведра не сказано, но весь эпизод с пришедшей к реке гонимой злой матерью девушкой похож на якутские и эвенкийские варианты. В Южной Сибири у телеутов, алтайцев, хакасов данный мотив встречается и без связи с мотивом водоноши – за куст пытается ухватиться утянутый на Луну людоед. Таким образом, мотив девочки или молодой женщины, пошедшей за водой и оказавшейся на Луне, представлен в Евразии от Балтики до Охотского моря и за пределами Сибири. За границами ареала, но примыкая к нему, встречаются варианты, в которых либо утрачен мотив воды, за которой отправляется персонаж, либо в рассказах фигурируют не девушка, а мальчик, мужчина, двое детей» [Березкин, 2009. С. 107]. А. В. Терещенко высказана следующая мысль: «Сказка как уникальный жанр народного творчества обладает способностью не только воспроизводить те или иные реалии, но и по-своему трансформировать их. Сказки, как и другие жанры фольклора, передавались от одного народа к другому, тем самым обогащая его язык. Эти процессы взаимодействия и взаимовлияния принимали и носили тем более интенсивный характер, чем активнее сказочники переосмыслили фольклорные сюжеты соседних народов» [Терещенко, 2017. С. 56].

Например, в корякской сказке рассказывается о девушке-красавице Ваняван, которая любовалась луной, выходила работать только при луне. И в один день ее небесное светило забирает к себе. Описывается ожидание девушки того, кто вернет ее на землю. А в якутской мифологии рассказывается о девочке или мальчике сироте, который испытывает все тяготы жизни на земле и просит забрать луну к себе [Якутские мифы, 2004. С. 85; Худяков, 1969. С. 372–373]. Близкой по сюжету является чувашская сказка, где падчерица спасается от гнета мачехи-колдуньи и нападения ведьм мольбой месяцу, тот поднимает девушку с коромыслом на своих лучах. А в бурятской сказке «Девочка-луна» рассказывается о девочке-сироте, которая убегает от злого шамана и спасает доброго друга медведя при помощи живой лунной воды. Помогая, луна забирает ее, так она проверяет любовь к другу, но жизнь девочки на земле заканчивается. Оттуда девочка ищет своих друзей зверей и радуется, что у них все хорошо. В этих сказках раскрывается противоречивый образ луны как доброго, так и иного ущербного мира, т. е. именно это светило ассоциируется с потусторонним Верхним миром, где человек может уйти со Срединного мира навсегда.

Заключение

По материалам исследования реконструированы космогонические воззрения древних саха, где в якутской лингвокультуре луна отождествляет национальную картину мира. Выступает как светило, воздействующее на сознание как иной мир, отраженное в знаковых текстах культуры и языка, которое отождествляет: 1. Космологические представления, связанные с темой творения. 2. Светило, ассоциирующееся как ночной/бычий глаз. Проецируется в паре с солнцем в виде ранних божеств. Имеет амбивалентную функцию, влияющую на судьбу, порождающую рождение/смерть. В связи с таким пониманием возникли различные вербальные

и невербальные ритуальные действия, исходя от лунных фаз. 3. Пространственно-временная парадигма этого светила служило ориентиром древнего человека. В устной традиции сохранились различные названия исчисления времени, в том числе архаичный календарь. 4. При концептуальном анализе языковой картины мира реконструируется связь символов культуры и языка. Анализ синтагматических связей, семантики слов-репрезентантов, раскрывающиеся с помощью сказок, загадок, закрепили мифопоэтические воззрения, что расшифровывается при их лингвокультурологическом исследовании. У народа саха луна имеет такие основные признаки, как *большое/бледное/белое/движущееся*, соматический код которой проявляется в использовании символики глаза, в поэзии персонифицируется в качестве антропоморфного явления. При анализе номинативного поля концепта *луна* выявлены его универсальные и национальные компоненты. Описание глагольной синтагматики показывает, что луна выступает в качестве субъекта действия. От корневой морфемы *ый* образовались прилагательные, имена существительные и глаголы. Выявлен переход мифопоэтического воззрения луны из фольклора в современные художественные произведения.

Раскрывается, что специфика социально-бытовых условий, мифологические воззрения способствовали распространению схожих мифов и сказок при контактах с другими этносами, где отражается своеобразная ментальная особенность каждого. При этом выявлено, что существуют чисто этноспецифические концепты, раскрывающие ценностные приоритеты культуры и схожие мотивы, видимо, это след общекультурной памяти человечества, однако при передаче из поколения в поколение, от народа к народу каждый представитель этноса обогащал и переосмысливал их в соответствии со своей национальной картиной мира.

Таким образом, концепт *луна* обладает пространственно-временной символикой, отражает национальную языковую картину мира народа саха, сохранившую архетипические образы, возникновение которых обусловлено традиционным укладом жизни и образным синкретическим представлением о явлениях природы. Как отмечает Н. П. Сидорова: «Особенностью концепта *луна* является наличие культурологического компонента, изучив который можно составить представление об этнической специфике этого небесного явления» [Сидорова, 2008. С. 173]. Язык и культура – тесно взаимосвязанная система, переданная с помощью языковых мифологических единиц в устной коллективной памяти.

Список литературы

- Алексеев Н. А.** Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. 242 с.
- Балашова Н. П.** Антропоморфизация небесных объектов как способ концептуализации луны // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2015. Т. 1. № 3 (63). С. 134–138.
- Березкин Ю. Е.** Плеяды-отверстия, Млечный Путь как Дорога Птиц, девочка на луне: североевразийские этнокультурные связи в зеркале космонимии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Т. 4. № 40. С. 100–113.
- Бравина Р. И.** Погребальный обряд у якутов (XIX – начало XX века). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 232 с.
- Васильевич Г. М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Габышева Л. Л.** Фольклорный текст: семиотические механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
- Габышева Л. Л.** Мотив чудесной внешности героя: миф и реальность (на материале фольклора якутов и других тюркских народов) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022, № 1 (38). С. 100–109.
- Гоголев А. И.** Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. Якутск, 2002. 104 с.
- Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1: Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. 495 с.

- Емельянов Н. В.** Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск, 2000. 188 с.
- Иванов С. А.** Названия месяцев в якутском языке и их диалектные варианты // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 2(15). С. 72.
- История Якутии [Под общ. ред. А. Н. Алексеева; отв. ред. Р. И. Бравина, Е. Н. Романова]. Новосибирск: Наука, 2020, в 3 т. Т. I. 536 с.
- Кузьмин А. В.** Ранние «открытия» и «модели» Космоса // Философия и культура. 2015. 5(89). С. 647–657. DOI: 10.7256/1999-2793.2015.5.11543
- Кулаковский А. Е.** Научные труды. Якутск: Кн. изд-во, 1979. 484 с.
- Маслова В. А.** Лингвокультурология как наука о наиболее культуруносных языковых сущностях // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 16. Владикавказ. 2014. С. 78–90.
- Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири [Отв. ред. В. Н. Давыдов, В. В. Симонова, Т. Ю. Сем, Д. Брандишаускас]. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.
- Попов А. А.** Материалы по истории религии якутов бывшего Вилюйского округа // Сборник музея антропологии и этнографии. 1928. Т. XI. С. 255–323.
- Романова Е. Н.** Мифология и ритуал в якутской традиции: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07. М., 1999. 388 с.
- Романова Е. Н., Добжанская О. Э.** Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 260–261.
- Сидорова Н. П.** Мифологический портрет луны в русской концептосфере // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2008. № 2 (8). С. 170–174.
- Терещенко А. В.** Особенности репрезентации мотива «магическое бегство» в русском и селькупском прозаическом фольклоре // Вестник ТГПУ. 2017. №3 (180). С. 56–62.
- Топоров В. Н.** О числовых моделях в архаичных традициях // Структура текста. М.: Наука., 1980. С. 3–59.
- Худяков И. А.** Описание Верхоянского округа [Под ред. В. Г. Базанова]. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. 437 с.
- Эргис Г. У.** Очерки по якутскому фольклору [Отв. ред. В. Е. Гусев; отв. за переизд. В. М. Никифоров]. Якутск: Бичик, 2008. 400 с.
- Ядрихинский П. П.** Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта: олонхо. Якутск: Сайдам, 2011. 445 с.
- Яковлева Е. С.** К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. 1996. № 1–3. С. 47–56.
- Якутские загадки [Сост. С. П. Ойунская]. Якутск: Якутское книжное издательство, 1975. 376 с.
- Якутские мифы [Сост. Н.А. Алексеев]. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.
- Якутские пословицы [Сост. Н. В. Емельянов]. Якутск: Бичик, 2017. 256 с.

Словари

- БТСЯЯ 2007 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. 4: К [Под ред. П. А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.
- Нелунов А. Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Т. 2: Л-Э. 2002. 420 с.
- Сахалы тыл ситимин тылдыыта: аат тыл (Словарь сочетаемости якутского языка: имена существительные). Якутск: Издательство ЯГУ, 2009. С. 8.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь [Под ред. Н. И. Толстого]: в 5 т. Т. I. М.: Международные отношения. 1995. 578 с.

- ТМС 1 – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: в 2 т. Т. I [Отв. ред. В.И. Цинциус]. Л.: Наука, 1975. 672 с.
- ЭСТЯ 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974. 767 с.
- EDAL – Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003. 1556 p.

References

- Alekseev, N. A.** Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia. Novosibirsk, Science Publ., Sib. otd-nie, 1992, 242 p. (in Russ.)
- Balashova, N. P.** Antromorphization of celestial objects as a way to conceptualize the moon. Bulletin of Kemerovo State University. 2015. Volume 1. № 3 (63), pp. 134–138. (in Russ.)
- Berezkin, Yu. E.** Pleiades-holes, the Milky Way as a Road of Birds, a girl on the moon: North Eurasian ethno-cultural connections in the mirror of cosmonymy. Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. 2009. Volume 4. № 40. 100–113 p. (in Russ.)
- Bravina, R. I.** Funeral rite among the Yakuts (XIX – early XX century). Yakutsk, Publ. house of YSU, 1996. 232 p. (in Russ.)
- Gabysheva, L. L.** Folklore text: semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Science Publ., 2009. 143 p. (in Russ.)
- Gabysheva, L. L.** The motive of the wonderful appearance of the hero: myth and reality (based on the folklore of the Yakuts and other Turkic peoples). North-Eastern Humanitarian Bulletin, 2022, № 1 (38), pp. 100–109 (in Russ.)
- Grammar of the modern Yakut literary language. Vol. 1: Phonetics and morphology. Moscow, Science Publ., 1982. 495 p. (in Russ.)
- Gogolev A. I.** The origins of mythology and the traditional Yakut calendar. Yakutsk, 2002, 104 p. (in Russ.)
- Hudjakov, I. A.** Description of the Verkhoyansk District. Edited by V.G. Bazanova. Leningrad: Science Publ, Leningrad Branch, 1969. 437 p. (in Russ.)
- History of Yakutia. Edited by R.I. Bravina, E.N. Romanova; under the general ed. A.N. Alekseev. Novosibirsk, Science Publ., 2020. Volume I. 536 p. (in Russ.)
- Ivanov, S. A.** Names of months in the Yakut language and their dialect variants. North-Eastern journal of humanities. 2016. № 2(15). 72 p. (in Russ.)
- Yadrikhinskiy, P. P.** Girl bogatyr Dzhyrybyna Dzhyrylyatta: olonkho. Yakutsk: Saidam. 2011. 445 p. (in Yakut)
- Yemel'yanov, N. V.** Plots of olonkho about the defenders of the tribe. Novosibirsk, Science Publ., 2000. 188 p. (in Russ.)
- Jakovleva, E. S.** To the description of the Russian language picture of the world. Russian language abroad. 1996. № 1–3, pp. 47–56. (in Russ.)
- Yakut myths. Compiled by N.A. Alekseev. Novosibirsk, Science Publ, 2004. 451 p. (in Yakut)
- Yakut proverbs. Compiled by N.V. Yemelyanov. Yakutsk, Bichik, 2017. 256 p. (in Yakut)
- Yakut Riddles. Compiled by S.P. Oyunskeya. Yakutsk, Yakut Book Publ., 1975. 376 p. (in Yakut)
- Jergis, G. U.** Essays on Yakut folklore. Edited by V.E. Gusev ; edited for moving. V.M. Nikiforov. Yakutsk, Bichik Publ., 2008. 400 p. (in Russ.)
- Kulakovskiy, A. E.** Scientific works. Yakutsk, Publ. house, 1979. 484 p. (in Russ.)
- Kuzmin, A. V.** Philosophy and Culture. 2015. 5(89), pp. 647–657. (in Russ.)
- Maslova, V. A.** Linguoculturology as the science of the most culturally relevant linguistic entities. Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Issue 16. Vladikavkaz, 2014, pp. 78–90. (in Russ.)
- Nelunov, A. G.** Yakut-Russian phraseological dictionary. Novosibirsk, Publ. of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Volume 2. Л – Э. 2002, 420 p. (in Russ.)

- Fire, water, wind and stone in Evenk landscapes. The relationship between man and nature in Baikal Siberia. Edited by V.N. Davydov, V.V. Simonova, T.Ju. Sem, D. Brandishauskas. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016. 196 p. (in Russ.)
- Pimenova, M. V.** Soul and spirit: features of conceptualization. Kemerovo: "Graphics". Issue 3. 2004. 386 p. (in Russ.)
- Popov, A. A.** Materials on the history of the religion of the Yakuts of the former Vilyui district. In: Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. 1928. Volume XI, pp. 255–323. (in Russ.)
- Romanova, E. N.** Mythology and ritual in the Yakut tradition: Dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Moscow: 1999. 388 p. (in Russ.)
- Romanova, E. N., Dobzhanskaja, O. E.** Anthropology of cold: methodology, concepts, images (on the example of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic). Bulletin of Tomsk State University Cultural Studies and Art Criticism. 2019. №. 35, pp. 260–261. (in Russ.)
- Sidorova, N. P.** Mythological portrait of the moon in the Russian conceptual sphere. Bulletin of the Volgogr. State University. Series 2. Linguistics. 2008. №. 2(8), pp. 170–174. (in Russ.)
- Tereshhenko, A. V.** Features of the representation of the motif "magical escape" in Russian and Selkup prose folklore. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2017. №3 (180), pp. 56–62. (in Russ.)
- Toporov, V. N.** On numerical models in archaic traditions. Text structure. Moscow: Science Publ., 1980, pp. 3–59. (in Russ.)
- Vasilievich, G. M.** Evenki. Historical and ethnographic essays. Leningrad: Science Publ., 1969. 304 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

- A large explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Sleptsov. Novosibirsk: Science Publ., 2007. 672 p. (in Yakut)
- Dictionary of compatibility of the Yakut language: nouns. Yakutsk: Publ. House of YSU, 2009. 8 p. (in Yakut)
- Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases on vowels. Moscow, Science Publ., 1974. 767 p. (in Russ.)
- Comparative dictionary of the Tungus-Manchu languages: Materials for an etymological dictionary. Leningrad: Science Publ., 1975. 672 p. (in Russ.)
- Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary. Edited by N.I. Tolstoy. Moscow: International Relations, 1995, in 5 vols. T. I. 578 p. (in Russ.)
- Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003. 1556 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Кузьмина Ангелина Афанасьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института чтения

Information about the Author

Angelina Aю Kuzmina, PhD, National Library of the Republic Sakha (Yakutia), senior researcher at the Research Institute of Reading, Russia

Статья поступила в редакцию 01.03.2023;

одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 02.06.2023

The article was submitted 01.03.2023;

approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 02.06.2023